

ТРОИЦКИЙ ВЯГОРЕСТНИК

Приходской листок

Троицкого архиерейского собора г. Сумы

№2 (23) (от 25 января 2015 года)

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **НАШИ СВЯТЫЕ**

Новомученики и исповедники

Решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в 2000 г. состоялось прославление Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской, включающего более тысячи имен страдальцев, отдавших свои жизни за веру Христову.

Каждый год в воскресенье, ближайшее к 25 января (ст. ст.), Церковь празднует Собор новомучеников и исповедников Российских. Мученики были первыми христианскими святыми, и именно они составляют большинство в сонме всех святых Православной Церкви. Однако почти за тысячу лет своей истории Русская Церковь, за исключением единичных случаев, не знала мучеников за веру. Их время на Руси пришло только в XX в. Протоиерей М. Польский писал в середине столетия: «Мы имеем великое и славное воинство новых страдальцев. Младенцы и отроки, старцы и взрослые, князья и простые, мужи и жены, святители и пастыри, монахи и миряне, цари и их подданные составили великий собор новомучеников Российских, славу нашей Церкви... В составе Вселенской Церкви Русская Церковь наиболее молодая и не знает в своей истории массового гонения от язычества и ересей, но зато на ее поле Вселенская Церковь получила тяжкие удары от безбожия. Наша Церковь не только заполнила пробел своей истории и не в начале, а в конце своего тысячелетнего существования восприняла мученичество, которого ей не хватало, но и завершает общий подвиг Вселенской Церкви, начатый

Римом и продолженный Константинополем».

Гонения начались вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. Первомучеником русского духовенства стал царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров. 8 ноября 1917 г. отец Иоанн совершал с прихожанами моление об умиротворении России. Вечером революционные матросы пришли к нему на квартиру. После избиений полуживого священника долго волокли по шпалам железнодорожного полотна, пока он не скончался... 29 января 1918 г. матросы расстреляли в Киеве митрополита Владимира - это был первый мученик из числа архиереев. Вслед за святыми мучениками Иоанном и Владимиром последовали другие. Жестокости, с которой большевики предавали их смерти, могли позавидовать палачи Нерона и Домициана. В 1919 г. в Воронеже, в монастыре Святителя Митрофана, семь инокинь были сварены заживо в котлах с кипящей смолой. Годом раньше три иерея в Херсоне были распяты на крестах. В 1918 г. епископа Соликамского Феофана (Ильинского) на глазах у народа вывели на замерзшую реку Каму, раздели донага, заплели волосы в косички, связали их между собой, затем, продев в них палку, приподняли в воздух и начали медленно опускать в прорубь и поднимать, пока он, еще живой, не покрылся коркой льда, толщиной в два пальца. Не менее зверским способом предали смерти епископа Исидора Михайловского (Колоколова). В 1918 г. в Са-

маре его посадили на кол. Страшной была кончина других архиереев: епископа Пермского Андроника закопали живым в землю; архиепископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) сбросили со стены; архиепископа Нижегородского Иоакима (Левицкого) повесили вниз головой в сева­стопольском соборе; епископа Серапульского Амвросия (Гудко) привязали к хвосту лошади и пустили ее вскачь... Смерть простых священников была не менее страшной. Священника отца Котурова поливали на морозе водой, пока он не превратился в ледяную статую... Семидесятидвухлетнего священника Павла Калиновского забили плетью... Заштатного священника отца Золотовского, которому шел уже девятый десяток, нарядили в женское платье и вывели на площадь. Красноармейцы требовали, чтобы он танцевал перед народом; когда же он отказался, его повесили... Священника Иоакима Фролова сожгли заживо за селом на стогу сена...

С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. в Харькове было убито семьдесят иереев. В Перми после занятия города белой армией были обнаружены тела сорока двух священнослужителей. Весной, когда снег стаял, их нашли закопанными в семинарском саду, многие были со следами пыток. В Воронеже в 1919 г. было одновременно убито 160 священников во главе с архиепископом Тихоном (Никаноровым), которого повесили на Царских вратах в церкви монастыря Святителя Митрофана Воронежского... Массовые убийства происходили повсеместно: сведения о казнях в Харькове, Перми и Воронеже дошли до нас только потому, что эти города на короткий срок занимала белая армия. И стариков, и совсем юных убивали за одну принадлежность к духовному сословию. В 1918 г. в России было 150 тысяч священнослужителей. К 1941 г. из них было расстреляно 130 тысяч.

В народе почитание новомучеников возникло сразу же после их смерти. В 1918 г. в Перми были убиты святители Андроник и Феофан. Московский Собор послал комиссию во главе с архиепископом Черниговским Василием для расследования обстоятельств смерти пермских епископов. Когда комиссия возвращалась в Москву, между

Пермью и Вяткой в вагон ворвались красноармейцы. Епископ Василий и его спутники были убиты, а тела их сбросили с поезда. Крестьяне с честью похоронили убитых, к могиле стали идти паломники. Тогда большевики выкопали тела мучеников и сожгли их. Так же тщательно были уничтожены тела святых царственных мучеников. Большевики прекрасно понимали, к чему может привести их нерасторопность. Не случайно чекисты категорически отказывались выдавать родным и близким тела казненных за религиозные убеждения. Не случайно выбирались такие средства казни, при которых тела мучеников не сохранялись (потопление, сожжение). Опыт Рима тут был как нельзя кстати. Вот лишь несколько примеров. Епископа Тобольского Гермогена 16 июня 1918 г. утопили в реке Туре, привязав к скрученным рукам двухпудовый камень. Тело расстрелянного Серпуховского архиепископа Арсения засыпали хлоруглеродной известью. Тела петроградских мучеников митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Юрия и Иоанна были уничтожены (или спрятаны в неизвестном месте). Тело Тверского архиепископа Фаддея, великого праведника и аскета, еще при жизни почитавшегося святым, расстрелянного в 1937 г., тайно закопали на общем кладбище. Тело белгородского епископа Никодима было брошено в общую расстрельную яму. (Впрочем, христиане узнали об этом и ежедневно служили на том месте панихиды). Иногда православным удавалось выкупить мощи. В станице Усть-Лабинской 22 февраля 1922 г. был убит священник Михаил Лисицын. Три дня его водили по селу с накинута­й на шею петлей, издевались и били его до тех пор, пока он не перестал дышать. Тело мученика было выкуплено у палачей за 610 рублей. Были случаи, когда большевики бросали тела новомучеников на поругание, не позволяя их хоронить. Те из христиан, кто все же решался на это, получали мученический венец. Священника Александра Подольского перед смертью долго водили по станице Владимирской (Кубанская область), глумились над ним и избивали, потом зарубили за селом на свалке. Один из прихожан отца Александра, пришедший похоронить свя-

щенника, был тут же убит пьяными красноармейцами.

Перед казнью митрополит Киевский Владимир крестообразно благословил руками убийц и произнес: «Господь вас да простит». Не успел он опустить рук, как был сражен тремя выстрелами. Епископ Никодим Белгородский перед расстрелом, помолившись, благословил солдат китайцев, и те отказались стрелять. Тогда их сменили новыми, а священномученика вывели к ним переодетого в солдатскую шинель. Епископ Балахнинский Лаврентий (Князев) перед казнью призвал солдат к покаянию. Солдаты отказались стрелять, и священномученик был расстрелян китайцами. Петроградский священник Философ Орнатский был доставлен на казнь вместе с двумя сыновьями. «Кого сначала расстреливать - тебя или сыновей?» - спросили его. «Сыновей», - ответил священник. Пока их расстреливали, он стоял на коленях и читал отходные молитвы. Солдаты отказались стрелять в старца, и тогда комиссар выстрелил в него из револьвера в упор. Архимандрит Сергей, расстрелянный в Петрограде, умер со словами: «Прости им, Боже, ибо не ведают, что творят».

Часто сами исполнители приговоров понимали, что казнят святых. В 1918 г. в Вязме расстреляли епископа Макария (Гневушева). Один из красноармейцев потом рассказывал, что когда он увидел, что этот тщедушный, седой «преступник» - лицо явно духовное, у него «захолонуло» сердце. И тут же Макарий, проходя мимо выстроившихся солдат, остановился напротив него и благословил со словами: «Сын мой, да не смущается сердце твое - твори волю пославшего тебя». Впоследствии этот красноармеец был уволен в запас по болезни. Незадолго до смерти он сказал своему врачу: «Я так понимаю, что убили мы святого человека. Иначе, как мог он узнать, что у меня захолонуло

сердце, когда он проходил? А ведь он узнал и благословил из жалости...». Когда читаешь жития новомучеников, невольно сомневаешься: может ли человек перенести такое? Человек, наверное, нет, но христианин - да. Силуан Афонский писал: «Когда бывает большая благодать, то душа желает страданий. Так, у мучеников была большая благодать, и тело их радовалось вместе с душой, когда их мучили за возлюбленного Господа. Кто испытал эту благодать, тот знает об этом...». Другие замечательные слова, так же проливающие свет на удивительное мужество новомучеников, оставил за несколько дней до своего расстрела священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский: «Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжелых страданий, полный среди страданий внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в каком находился счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевывание; обречение и требование этой смерти; якобы народные аплодисменты; людскую неблагодарность, продажность; непостоянство и тому подобное; беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже за самую Церковь. Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо».

*По книге Дмитрия Орехов
«Русские святые XX столетия»*

Братья и сестры!

В Троицком архиерейском соборе состоится

ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ С КОММЕНТАРИЯМИ

ВЕЧЕРНЯ с комментариями - в субботу, 24 января; начало - в 16:00;

УТРЕНЯ с комментариями - в субботу, 7 февраля; начало - в 16:00.

«...Многим нашим современным православным христианам, пришедшим в Церковь из советской действительности и привнесшим в церковную жизнь привычный советский конформизм, который они в церковном варианте называют смирением и послушанием, привнесшим обезличенность советским коллективизмом, который у них называется соборностью, — вот этим людям новомученики, действительно, чужды. Мученики, жившие в условиях колоссальной несвободы, в которых тогда находилась наша страна, утверждали принципы свободы. Они рассматривали Церковь не как систему, основанную на административном иерархическом управлении, а прежде всего как союз свободных, объединенных любовью ко Христу людей. Новомученики предполагают преодоление самого себя, поднятие над самим собой, отвержение самого себя — и, самое главное, умение брать на себя ответственность в жизни при разных обстоятельствах. Поэтому эта духовная отчужденность опыта новомучеников, опыта жизни большинства наших современных православных христиан не востребована. Подобного рода праведники не всем нужны. Они являются живым вызовом во многом еще советскому, лишь в атрибутивном отношении оправославившемуся менталитету. Из-за того, что среди наших, я бы сказал, не воцерковленных, а оцерковленных и околоцерковных современных православных христиан людей подлинно церковных не так уж много, мученики оказываются непонимаемыми. Люди, которые бросали вызов советской системе, люди, которые жили в этом царстве земного Левиафана, ощущая себя в Царстве Небесном, в Царстве Христовом, оказываются какими-то возмутителями того душевного спокойствия, а на самом деле душевной спячки, которую хотят сохранить многие новообращенные, то ли оцерковленные, то ли прицерковленные современные христиане.

У нас больше почитаются святые, к которым можно обращаться в насущных ситуациях: попросить здоровья, благосостояния, устроения семейной жизни. А новомученики, как правило, ассоциируются со скорбью, страданиями, от которых и так все устали. Эти святые не вызывают особого энтузиазма у людей, желающих в Церкви найти успокоение для своих мыслей, для своей совести, своей души...»

Протоиерей Георгий Митрофанов

В ворота Донского монастыря вошли несколько верующих. Они добрались до приемной патриарха Тихона, затем подождали несколько часов — народу было много, святейшего в Москве любили, и вошли в небольшой кабинет. Взяв благословение, они задали святителю Тихону единственный вопрос: «Благословите умереть за Христа и Церковь». Патриарх Тихон помолчал, а затем произнес с грустной улыбкой: «Умереть легко, очень легко. Гораздо тяжелее жить для Христа и Церкви».

Я часто вспоминаю эту фразу святителя Тихона, когда разговор заходит о новомучениках. В ближайшее воскресенье мы будем вспоминать Собор святых новомучеников и исповедников Церкви русской и это, пожалуй, единственная понятная мне форма их почитания в храме.

Я не могу себе представить молебен с акафистом, например, мученице Татьяне Гримблит. Мне не о чем ее просить — в годы гонений она отправляла исповедникам посылки и письма, навещала их. За это ее пять раз арестовывали и в конце концов расстреляли 23 сентября 1937 года на Бутовском полигоне. Единственное, о чем бы я теоретически попросил новомучеников — о моем благополучии, о том, чтобы Церковь не стала гонимой, а я бы умер счастливым стариком в собственной постели в окружении детей и внуков.

Мне неловко обращаться к мученице Татьяне с такой просьбой, а потому я молюсь другим святым — святителям и преподобным. У кого-то я прошу успешного путешествия, помощи в написании статей, здоровья близким, сил на то, чтобы хорошо делать свою работу.

Я молюсь об успехе и счастье, а потому мне не нужны новомученики...

Андрей Зайцев